

ЮРИЙ ЛАКОВСКИЙ

И ТЫ БЫЛ БОГОМ

Издательские решения

Юрий Лаковский

И ты был богом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8611610

ISBN 978-5-4474-0322-5

Аннотация

Созданный поэтом диковинный мир увлекает и завораживает, струится и переливается, улыбчиво-нежно играя душой читателя, которая прильнув к нему невидимым, третьим лишним, становится тенью в плену томительных искушений в изнеженно-алых зорях магии слова. Медленно утопаешь в певучести строк. А душа мечется между изысканностью слога и красочным мифом под перламутровым небом. Вот поэт, рождённый гением и улыбкой Джоконды – где всё неуловимо, но, пристально взглядевшись, понимаешь – здесь глубина нездешних, ускользающих пространств иных измерений. Многие не могут осилить глубину – не хватает дыхания, они выныривают, не успев насладиться, не осознав, а значит – не оценив красоту удивительных и пронзительных Миров поэта.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

И ты был богом
Пей мирру моей речи
Юрий Лаковский

© Юрий Лаковский, 2014

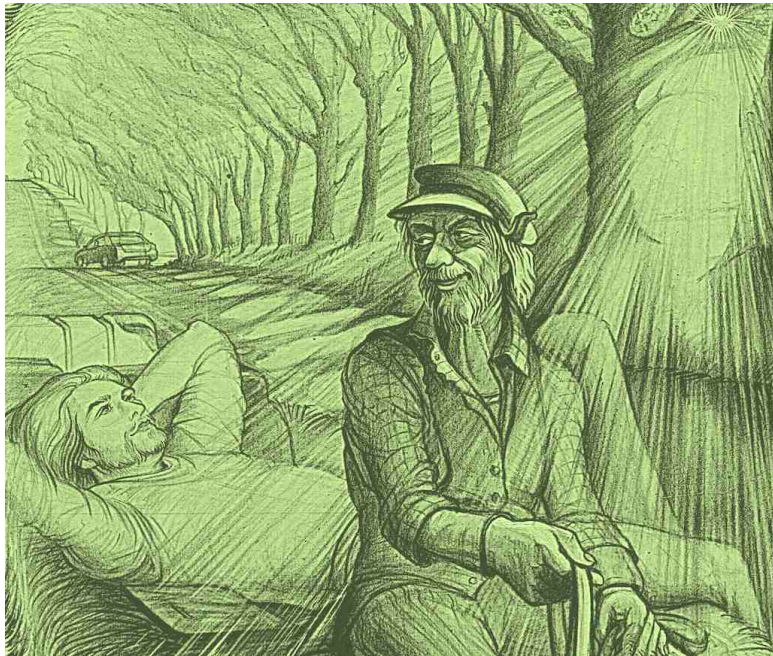
© Мирра Таиссат, иллюстрации, 2014

Редактор Элен Лепик

Благодарности

Галина Оболенская

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Я ехал к матери через сады в телеге,
С вожжами старый шорник, тоже с Гая¹,
Ну что, – спросил он у меня, – опять набеги,
И так же в мае?

Так, стало быть, прошла ещё одна година,
Японский Бог, и что в звездах за спешка,

¹ Деревня Екатериновка в Ульяновской области, бывший совхоз имени Гая;

Остался я один, да, вон, еще скотина, —
На небе Стешка.

Давай помянем бабу-то, что ж мы, не люди,
Под сеном у меня укрылась фляга,
Ну, пухом ей земля, и пусть с ней ангел будет,
А с нами брага!

Как ручеек она меж камней известковых,
Всё сдобрит песней – дойку, стирку, калду²,
За ней тогда всё увивался участковый,
Убил бы падлу!

Но сам тогда он наказал себя за норов, —
Зачем лезть на рожон, да после браги,
Его тогда на «чёрном воронке»³ и в город,
Подох в тюряге.

Что за напасть, как чёрт урчит сегодня в брюхе,
Глаза слезятся на ветру, хоть выколь,
Видать, давно не украшал я крест старухе
Живой гвоздикой!

Ты, верно, засыпаешь от моих историй?
Наплюй на них, поспи на сене малость,
Мне не гореть уже от счастья и от горя,
Что делать, старость!

² Огороженное место для скота;

³ Милицейская машина;

А сам-то про себя хоть помнишь свою кралою?
Бывало, вижу вас, – сидят, воркуют,
И нешто не дурак, что променял Наталью
На городскую?

Глаза-то у неё – горящих два уголья,
Бывало, взглянет, – всё нутро зарётся,
И как в тумане слышу, – здравствуй, дядя Коля!
Всё думал – снится.

То яблоч сунет мне румяных, то смороды,
А я всё ладил ей зимою санки,
Видать, и в наши родники и огороды
Слетает ангел.

А как она сейчас? – Так, значит, оклемался!
Вот в буркалы твои смотрю и вижу,
Запросто так, как тень, по свету ты скитался
С горою книжек.

А жил бы здесь, смотри, ну где ты сыщешь
Такую сучью красоту с телеги?
Её спокон веков, ни за какие тыщи
Не купишь в Мекке⁴.

Вот, человек, возьми, душа и ум – потёмки,

⁴ Богатейший древний город на Востоке, славился фантастическим ассортиментом товаров;

Всё что-то ищет, ёрзает, бросает,
И подстелить бы рад себе под зад соломки,
Но где, – не знает!

Ты, вот что, уши-то свои закрой, на милость,
Мне бы сказать тебе о ней немного,
В твоих руках она, как солнце, вся лучилась,
И ты был Богом!

Ты мог её создать величием своих искор,
И бабья суть её свилась бы в зори,
Ну, кажется, приехали, тебе тут близко,
Чай, помнишь, что ли?!

И, больно, не серчай на старика-шишигу,
Вон, отмахали две версты, и нате!
Сподобься уж, зайди и захвати мне книгу
О Митридате⁵.

Чайку попьем с тобой, собрал я много мяты,
Клубника в погребе, варила женка,
У старого моста найдешь мои палаты,
Там, где колонка.

Я провожал его открытым долгим взглядом,
Жизнь не скрутила старика в сигарку,
Не подобает нам учить ходить за стадом
В горах овчарку.

⁵ Великий полководец древности, угрожал Риму;

Мой дом увяз в саду, два дня я дурью маюсь,
Почистил двор, отнес весь хлам на свалку,
А в три часа утра я с шорником встречаюсь —
Звал на рыбалку.

Его все Митричем зовут тут в околотке,
Прошел войну, медалей два десятка,
И было время – шибко пристрастился к водке,
Душа – загадка!

А в кич⁶ его определили по раненью,
В стройцехе с хромотой он не работник,
Вот сбруи и латал под старость, к сожаленью,
Хороший плотник.

Сухой короткий свист – тут тоже своя марка —
Никто не мог под Митрича сработать,
У вишенника встал и ждет, в зубах сигарка
Под самый ноготь.

Две удочки в руке, махнул – Айда на лодку!
Без нас лещи и караси тоскуют,
А лещ хорош поджаристый с лучком под водку,
Его смакуют!

Ты весла то не рви, куда нам торопиться?
И солнце не сползло еще с Америк!

⁶ Мастерская по ремонту и хранению сбруи;

Смотри, сожрал туман, как призрак бледнолицый,
Зеленый берег.

Привольно здесь, скажу, в затоне рыбы уйма,
А тишина, – хоть режь ножом на булку!
Вчера уключину поставил на полдюйма,
А бьется втулка.

Так распугаем всех подлещиков в округе,
Иди в полхода, мы почти у места,
Вот так подумаешь о рыбах на досуге,
Ну, блин, фиеста⁷!

Но как же отчего? Тут вольница и пища,
А щука в этих водах редко ходит,
Она по каузам⁸ все с голодухи рыщет, —
Ей там свобода.

Давай-ка шепотком, а то мы как два гуся
Разгоготались на ворон и галок,
Шепни там рыбе под водой, благой Иусе,
Клевать на сало!

Я на корме сижусь, у старика середка,
Сидим как пара белых изваяний,
Он и спроси меня – почему в Китае водка,

⁷ Праздник в переводе с испанского;

⁸ Мелководье;

У них, в юанях⁹?

И разговоры завязались между нами
О Лао-Цзы¹⁰, над чем корпел китаец,
И почему сквозь ревы мировых цунами
Проходит старец?

Сидим уж битый час, следим за поплавками,
И хоть бы так, для смеха кто-то клюнул,
Но мой старик хитрит, невозмутим как камень,
Другой бы плюнул.

Ты вот что мне скажи, куда девались, на хрен,
Все эти караси, ети их в душу?!
Давай с тобой рыбак по тридцать граммов ахнем
За баб и сушу!

Попробуй, откажись! От этого напора
Сам Горбачев бы опрокинул рюмку.
Вот нету в нашей сучьей жизни коленкора!
Поддай-ка сумку!

Мы выпили за всех, и даже за Чапая,
Как не крути, святое дело – принцип,
Вот он бы не пустил в Святую Русь Мамаю,
И проходимцев!

⁹ Денежная единица в Китае;

¹⁰ Великий китайский мудрец;

И только к вечеру очистилось пространство,
Клевало все, и в лодке стало тесно,
Старик ругал подлещиков за наше пьянство,
Что было честно.

Всю рыбу, разделив на два больших кукана¹¹,
Мы разошлись при свете лунной пыли,
И облака медлительно и очень странно
В глубь неба плыли.

Все сутки напролет, как агнец божий в яслях,
Я спал, прослушав мировые сплетни,
Кружил над моим домом яснокрылый ястреб
Двадцатилетний.

Я видел сон цветной – отторгнутый от тела,
Другой такой же я, но так прозрачен,
Скользит сквозь серебро античного удела
И тихо плачет.

Я радостно себя бросал в глубины света,
И не печаль руководила мною,
Мне не знакомою была моя планета
Тогда, весной.

Но что еще главней – я помню это ясно —
Вкус истиной свободы в абсолюте!

¹¹ Леска с двумя палочками по краям, служит для переноски и хранения рыбы; И мать смеется.

Никто меня не звал, не докучал напрасно
Ни Бог, ни люди.

Я узнавал слова и песни древних сиддхов¹²,
И белый старец в розовой пещере
Читал мне о другой любви из пыльных свитков
И о Венере!

И мчались в сердце яснокрылые молитвы,
Здесь мой приют! – кружилась весть благая,
Но путь любого сна, как грань тончайшей бритвы, —
Я снова в Гае.

Проснулся, наконец, тебе записка, лично,
Небось, опять старик, ему нейдет,
А я спекла тебе с утра пирог клубничный, —
И мать смеется.

Но что ее так сильно нынче рассмешило?
И рыба, пусть не царская, но все же,
Я помню, как пришел, и что меня кружило,
Сказал что может?

Ну не томи, скажи, что был вчера в запарке,
Живу в мечтах, в пылу своих исканий,
Или опять читал соседской я овчарке
Стихи за баней?

¹² С санскрита блаженные существа, обладающие беспредельными магическими способностями;

У друга твоего всегда дела до жизни,
Один он здесь охоч до философий,
Иди водой холодной обливайся к вишням,
А я пью кофий.

Поговорили вот, ей только в контрразведке
Запоминать пароли, лица, явки,
В окно я вижу – к ней идут опять соседки
Страдать на лавке.

Читаю манускрипт. Мусявя карандашик,
«Старик писал, где жирно, а где тонко:
*Привет тебе огромный от твоей Наташи,
Вот, ждет ребенка.*

*А назовешь-то как?– спросил я для порядку,
Сам вижу все, мальчонка будет юркый;
Кричусь, со мной она, взнуздала мне лошадку,
И молвит – Юркой!..«*

Неугомонный дед, ему бы путать сети,
Все норовит кольнуть, задеть живое,
Что там за новости у нас в смешной газете —
Корма, удои?

Сегодня разобрал все барахло в чулане,
Нашел тетрадку с классным сочиненьем —
Я в нем писал захлеб о Лариной Татьяне

Стихотвореньем!

Вот пара строк для вас, послушайте на милость:
«Он Бог, и Царь, и Ангел благородный,
И это божество, что ей ночами снилось,
Как снег холодный!»

Пирог клубничный с молоком – все для сыночка!
Такие завтраки не ели принцы,
Отрежу Митричу я тоже два кусочка
Так, для гостинца.

А вот и сам он едет, легок на помине,
В открытое окно кричит – Здорово!
Да хлеба вон купил ржаного в магазине,
Подь на два слова!

Ты, вот что, у меня будь в аккурат к обеду,
Уху сварганю, – не уху, а сказку!
Сейчас в контору по бумагам ихним еду
Сшить неувязку.

Уразумел хоть старика? Давай, до встречи!
Но, милая, пошла, царя возила!
Нам все одно, что Харри Трумэн¹³ или Черчилль¹⁴, —
Вот в этом сила!

¹³ 33 президент США;

¹⁴ Премьер-министр Великобритании;

Забросив все дела, иду на речку, к вязам,
Здесь соловьи горланят до упаду,
На лопухах лежат прозрачные алмазы
От звездопада.

В цветах мохнатых ловко копошатся пчелы,
Лаодика¹⁵ позирует на камне,
Для бабочек цветных я здесь открыл бы школы,
А птиц куда мне?

На тополях, вверху, как в итальянских семьях,
Грачиный гам смешался в черный катыш,
На целый день уйти бы утром в воскресенье
Туда, где ландыш.

И в этом мире грез, почти инопланетном,
Я забреду в дубовую общину,
Кем быть желаешь? – спросит меня старец, – Ветром?
Лети в долину!

И как в том сне цветном порывисто и ярко
Я вырвусь к свету из одежды тела,
Здесь любящий вокруг меня народ – овчарка
И птиц капелла!

Здесь сонм цветов – акант, тагетес, амариллис,
Левкой, агава, куколь, пассифлора,
И я меж них святых, как юный Бог Осирис,

¹⁵ Бабочка Перламутровка;

Как дым узора.

О если б не был мир мой так лучист и тонок,
Он разлетелся бы на сотни склянок,
От этих ветрено-прекрасных махаонок,
И цинксианок!

Я в них влюблен давно – в Сапфо, Ифис, Илею,
Я визажист Ино и Мнемозины,
Я на ладонях согреваю Галатею¹⁶, —
Мою кузину.

Пирог для Митрича я завернул в салфетку,
Тропинкой, думаю, пойду – так ближе,
Давно не видел его белую беседку
Под красной крышей.

Там спорили мы с ним, ругаясь жарко матом,
О ренессансе, Фрейде, о Фиделе,
Что надо разогнать к едрени-фени НАТО
На той неделе!

С волками надобно без церемоний, грубо,
Никитка прав был, хоть и кукурузник;
Слышь, Эйзенхауэр Дуайт¹⁷, не трогай Кубу,
Фидель – союзник!

¹⁶ Названия бабочек;

¹⁷ 34 президент США;

Я шел и вспоминал все наши разговоры,
Бывал он нежен, как в свой день рожденья,
Когда сыскав меня после вечерней ссоры,
Просил прощенья.

Ну, брат, уважил, проходи, уха готова!
Полить, чать, руки, вон там в банке мыло,
К ветеринару мне б махнуть до дня Петрова,
Хандрит кобыла.

Тут я принес пирог, спекла сегодня... – Знаю!
У матери твоей рука из пуха!
Вот почему так не пекла, не понимаю,
Моя старуха?!

В беседку, или как, пойдем хлебать ушицу?
Зачем же нам ломать зерно традиций?
Бери намазывай на хлеб пока горчицу,
Я с кухни птицей!

А сладкий дым ухи уже кружит повсюду,
Цветы от слив на скатерти пунцовой,
Старик на стол собрал нарядную посуду
От Кузнецова.

Давай тарелку то! Видал, как получилось!
Почти «тройная» с золотым наваром!
Рука его щедра, лицо его лучилось,
Он был пожаром.

Без этого никак! По граммов сто на брата?..
Хрустальных слез отлил старик из фляги,
Пусть будет в нашей брэнной жизни больше лада,
Ведь мы не маги!

Крепка слеза! Крепка! – мы навалились дружно,
На хлебово, звенели только ложки,
Где нам глядеть сейчас как есть и как не нужно,
Повсюду крошки!

Добавки наливай, черпай побольше гущи!
Где в городе твоём найдешь такое?..
Приди к нам на тарелку супа, Боже сущий,
Нас будет трое!

Жизнь хороша! Мы в креслах и глядим на сливы,
Сидим вальяжно, будто бы в партере,
Мы непристойно счастливы и молчаливы, —
Пусть нам не верят!

Пока нас нет в миру – одна моя ремарка —
Я в глубине души своей отшельник,
Искусственный уют, как мертвому припарка-
Мне снится ельник.

И оживает грудь, и радостное сердце
Готово вырваться из душной клетки,
Туда, где светлый лес, мой дом, резные дверцы,

Щеглы на ветке.

И там река несет серебряные струи,
До ней пешком два километра ходу,
Я буду плавать там и рыб ловить в июле,
Глядеть на воду.

Когда же путник спросит дать ему напиться,
Я целый ковш ему снесу к калитке,
Спрошу, как мир земной, стоит ли там столица
И жив ли Шнитке?!

Мы плавно с Митричем перенеслись на землю,
Я плохо ночью сплю, вот незадача!
Такие вот как я чуть-чуть в обед подремлют,
Никак иначе!

Вот и просил тебя, чай помнишь, на телеге,
О книжке от бессонницы, и, кстати,
Ведь здесь и слыхом не слыхать в библиотеке
О Митридате!

А мне о войнах с Римом жутко интересно,
Такая, сучий потрох, была глыба!
Спартак, Антоний там, – рыбешка, всем известно,
Царь Понта¹⁸ – рыба!

Я слышал от кого-то, да ты же сам в том годе

¹⁸ Митридат;

Мне говорил – мы были на клубнике —
Сулла¹⁹ не мог разбить его и только, вроде,
Помпей Великий²⁰!

Принес я книгу, там она лежит – на полке,
Читай себе на доброе здоровье,
А в сердце как сейчас – не колются иголки,
И как там с кровью?

Да ну их этих фельдшеров с их корвалолом,
Стращать умеют больше и калечить,
Зимой, нет, после пасхи, мучился с уколом —
Шарахнул в печень!

За книжку от души тебе спасибо наше,
На год мне хватит – что сидеть без толку!
А о тебе то как передавать Наташе?
Что смотришь волком?!

Да знаю все, молчи, чего там фордыбачить,
Я, как и ты, коли посмотришь в корень,
Люблю один сидеть, на речке порыбачить,
Глядеть на зори.

Я уходил домой, когда шафран заката
Облизывал зеленый холм устало,
Я как-нибудь потом побалую собрата

¹⁹ Римский полководец;

²⁰ Римский полководец;

Про Ганнибала!

Я умолчал от вас, простите, мой читатель,
О письмах девочки, почти ребенка,
Серебряным шитьем они украсят платье
Новеллы тонко.

Они мне дороги, в них есть флюиды счастья,
Возьму их в руки – расцветают сферы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.